

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Обряды погребального ритуала

Похоронно-поминальные обычаи и обряды занимают особое место в ритуалах семейного цикла. По сравнению с другими обрядами они более консервативны, так как отражают медленно изменявшиеся представления о смерти и взаимоотношениях живых и умерших. Кроме того, соблюдение установившихся ритуальных действий издавна считалось важным для судеб души в загробном мире, следовательно, было моральной обязанностью родственников по отношению к умершему. Выполнение этой обязанности контролировалось общественным мнением, а также убеждением, что душа покойного может наказать родственников, если что-то будет сделано не так. С ослаблением этих идей ритуал продолжал поддерживаться этическими нормами. Погребение и поминки рассматривались как особое событие, когда неуместно было проявлять чрезмерную бережливость и пренебрегать обычаями, даже теми, которые могли казаться ненужными и потерявшими смысл. Исправное исполнение похоронно-поминальной обрядности было знаком уважения к человеку, ушедшему из жизни.

Погребальный обряд русских XIX – начала XX в., каким мы знаем его по исследовательской литературе, архивными описаниями и полевым материалам складывался в течение длительного периода. В основе его лежит христианский (православный) похоронный ритуал, воспринявший и впитавший в себя многочисленные обряды и поверья, сохранившиеся от дохристианских традиций.

С утверждением христианства в жизнь вошел и новый, предписанный церковью погребально-поминальный обряд. Христианская обрядность категорически отвергала сожжение умерших. Хоронить следовало в земле, положив тело покойного "головой на запад". Но вместе с тем продолжали соблюдаться и многие дохристианские обычаи. Сочетанию христианских и языческих традиций способствовали общие идеи верования – вера в загробный мир, в продолжающуюся жизнь души и в необходимость заботиться о душах умерших родственников.

Важно подчеркнуть, что сохранение дохристианских верований и обрядов у принявших православие русских неправильно толковать как доверие, т.е. как равноценность языческого и христианского мировоззрений. Соблюдались те языческие обычаи, которые не противоречили главным

идеям христианства, не были направлены против основ вероучения. Оплакивание умерших, захоронение вещей с умершим в могилу, обильные поминальные "пиры" и даже пляски скоморохов на погостах – эти и другие народные традиции были нехристианского происхождения и порицались духовенством, но они не отрицали веру в Христа, в христианскую мораль, в необходимость церковных треб и т.д. поэтому русские люди, сохранявшие в своей жизни обычаи, оставшиеся от предков, с полным основанием осознавали себя христианами. С течением времени дохристианские обряды и представления утрачивали силу или полностью забывались; многое из того, что было свойственно народному быту в XVII – XVIII вв., не говоря уже о предшествующих столетиях, в XIX в. оказалось утраченным. Тем не менее, в XIX – XX вв. похоронно-погребальная обрядность русских сохраняла немало пережитков дохристианских воззрений. Эти пережитки славянского язычества были неодинаковыми в разных областях России, однако различия в обычаях не были столь значительными, чтобы можно было говорить о разных локальных вариантах погребально-похоронной обрядности.

Различия в похоронной обрядности наблюдались в разных социальных группах (крестьянство, купечество, дворянство), но и они, по крайней мере в XIX в., не носили принципиального характера. Важно подчеркнуть, что наиболее интенсивной жизнью и в полных формах обрядность жила в крестьянской среде. Иным, а в ряде случаев и существенно иным, погребально-поминальный ритуал становился тогда, когда русские отходили от православия. К концу XIX в. в русской среде получили распространение разного рода христианские секты. Немало течений, приведших к появлению сектантских по своей сути вероучений, возникло в старообрядчестве; некоторые секты появились в недрах православия или же были занесены из Западной Европы. Рассмотрим только похоронно-поминальную обрядность русских, исповадовавших православие.

Структура погребально-поминального ритуала проста и состоит из нескольких последовательных обрядов комплексов, а именно:

- 1) действия, связанные с предсмертным состоянием человека и в момент смерти, с одеванием покойника и положением его в гроб;
- 2) вынос из дома, отпевание в церкви, погребение;
- 3) поминки, которые после 40-го дня переходили в поминальные обряды, связанные с календарной обрядностью.

Пожилые люди готовились к смерти заранее. Женщины шили себе смертную одежду, в некоторых областях было принято задолго до смерти делать гробы или запасаться досками для гроба. Но для глубоко верующего человека главным считалось подготовиться к этому последнему жизненному шагу духовно, т.е. успеть сделать необходимые дела для

спасения души. Богоугодными делами почитались раздача милостыни, вклады в церкви и монастыри. Также благочестивым делом считалось прощать долги. Очень боялись внезапной смерти ("в одночасье"); в каждодневную молитву входили слова "Упаси, Господи, всякого человека умереть без покаяния". Умереть дома, среди близких, в полной памяти, по представлению русских, было "благодатью небесною" около умирающего собиралось все семейство, ему подносили образы (иконы), и он каждого благословлял особо. Если больной чувствовал себя очень плохо, то приглашали священника для исповеди; рассказав о своих грехах, умирающий получал от него прощение от имени Иисуса Христа.

Нередко больного соборовали. Соборование (елеосвещение) – одно из семи таинств православной церкви, которое совершалось над больным. При елеосвещении, так же как и при покаянии, отпускались грехи. Существенное действие елеосвещения виделось в облегчении телесных и духовных скорбей. В русской православной церкви вошло в обычай совершение елеосвещения, как правило, одним священником. Ритуал состоял в смазывании освященным деревянным маслом (елеем) лба, щек, губ, рук и груди умирающего при чтении молитв. Соборование совершалось в присутствии родственников и зашедших проститься к умирающему односельчан. Во время таинства они стояли с зажженными свечами в руках. Для обряда стол накрывали скатертью или грубой холстиной и на него ставили глиняную чашку с хлебным зерном, в которое втыкались семь лучинок и семь свечек. Соборовать старались в церковный праздник, чтобы все, кто желал помолиться об умирающем, могли прийти к нему. По окончании ритуала все кланялись в ноги умирающему и говорили "Прости меня Христа ради". Потом целовали его. Больной, если был в силах, первым просил прощения. Верующие считали, что перед смертью необходимо причаститься и сознаться во всех грехах. "Без соборования нельзя рассчитывать на прощение грехов".

Но в некоторых местностях народ придавал соборованию совершенно несвойственное ему значение, считая принявших это таинство и оставшихся после этого в живых нечистыми. Их старались избегать. Такому крестьянину не разрешали сеять в поле; он не должен был никогда есть мяса, не пить вина. Про таких говорили, что "он живет не своей жизнью, заел чужую жизнь". Крестьяне должны были после соборования "ходить в темном, не иметь отношений с женщинами". Поэтому "молодых даже при самых тяжких болезнях старались не соборовать". Чаще, однако, встречаются сообщения, позволяющие думать, что во второй половине XIX в. "это суеверие вывелось, и соборовуются почти все больные старухи". Такие взгляды характерны для жителей всех губерний.

После исповеди умирающий прощался с семьей и родственниками и давал наказы. Для родных и окружающих очень важно было получить от

умирающего прощение за обиды, когда-то, возможно, причиненные ему. Выполнение наказов умирающего считалось обязательным: "Гневить покойного нельзя, принесет несчастье оставшимся на земле".

Если человек умирал быстро и безболезненно, верили, что душа его попадает в рай, а если перед кончиной тяжело и долго мучился – значит, грехи так велики, что ему не миновать ада. Родные, видя, как мучается умирающий, старались помочь душе покинуть тело. Для этого они открывали дверь, окно, печную трубу, ломали конек на крыше, поднимали верхнюю слегу в крыше дома. Повсеместно ставили чашку с водой, чтобы душа, отлетая, омылась. Умирающего полагалось класть на пол, подстелив солому. Умереть на печи считалось большим грехом.

Когда наступала смерть, родственники начинали громко причитать. Надо заметить, что причитания были широко распространены на Руси (Русский Север, Смоленская, Московская и Рязанская губернии, Сибирь и др.), в некоторых местностях существовали особые плакальщицы, как правило, женщины, которых специально приглашали. Предполагалось, что умерший все видит и слышит. Содержание причитаний было произвольным, все зависело от красноречия плакальщицы.

Борьба с этим обычаем велась в России на протяжении многих веков. В 1551г. Обычай оплакивания покойника был осужден постановлением Стоглавого собора. Но в начале XVIII в. Петру пришлось еще раз официально запретить плакать на похоронах лиц царского дома. Тем не менее, и Петра I после смерти оплакивали плакальщицы. Записи причитаний в XIX в. зафиксировали богатейший пласт народной поэзии. В крестьянской среде этот обычай дожил до наших дней. В текстах причитаний, кроме жалостливых и добрых слов об умершем, могли прозвучать и слова о собственной судьбе плакальщицы. Так, в причитаниях вдова-невестка могла рассказать, как плохо с ней обращаются родные мужа; дочь, оставшаяся без матери, могла пожаловаться на злую мачеху. Причитания исполнялись в течение всего похоронного обряда, а также в поминальные дни, включая години и родительские субботы.

Сама кончина представляется как отделение души от тела. Одновременно с выходом души в тело входит смерть. С этого момента покойник и смерть представляют единое целое.

Приход смерти и кончина человека (свершившаяся на биологическом уровне) отнюдь не означали еще перехода умершего в разряд мертвецов, а тем более в разряд дедов-предков. Окончательный переход (в соответствии с большинством поздних свидетельств) совершается через год после кончины, хотя имеются некоторые материалы, позволяющие говорить о продолжении ритуала после годового траура.

На уровне ритуально выраженных действий преобразование живого человека в мертвого начинается с того, что покойнику закрывают глаза (как правило, медяками), мотивируя это опасностью его взгляда для живых людей. Однако это действие, несомненно, связано также с представлением о слепоте мертвых, что в свою очередь соотносится с мотивами темноты загробного мира, невидимости как отличительного признака смерти. Кроме того, закрытие глаз означает прекращение контакта с миром людей, т.е., чтобы удалить умершего из мира живых, нужно, чтобы он перестал видеть, слышать, говорить, двигаться и т.д.

С темой слепоты, скрытости, невидимости связано и покрывание умершего венчальной или пасхальной скатертью (иногда – просто полотном). На этот обряд редко обращают внимание, между тем аналогия со свадебным покрыванием невесты делает его весьма значимым. Как и невеста, покойник утрачивает привычный облик, становится "бесформенным".

В причитаниях наступление смерти нередко описывается через параллелизм отделения души от тела и прощание очей с белым светом, например:

"Уж скажи-тко, мне, пожалуйста:
Как у братца у родимого,
У его как расставалася
Душа-то с белым телом,
А ясны очи со белым светом?
К моему мужу законному!
Брала поскорешенько
Его свет со ясных очей.

С наступлением смерти все было направлено на приготовление умершего к похоронам. Эти действия также во многом носили религиозно-магический характер. Прежде всего, умершего должны были обмыть.

Строгая ритуальная предписанность омовения заставляет усомниться в обычной его трактовке как простого очищения. Если это и очищение, то оно, скорее всего, было направлено на уничтожение признаков, качеств, свойственных живым людям (того, что в сказке описывается словами "русским духом пахнет" – т.е. живым человеком). Другими словами, в последнем омовении смывалась жизненная "аура человека". Издавна, как было принято, мужчину обмывали старики, женщину – старушки, но уже к середине XIX в. обмыванием в основном занимались только женщины. В каждом селении были старушки, которые обмывали покойников, получая что-либо из одежды покойного – сарафан, рубашку или платок. Часто обмыванием занимались бедные люди.

Нередко обмывальщиками были повивальные бабки.

Например в Смоленской, Тверской, Новгородской губерниях обмыванием в основном занимались только женщины - старушки, вдовы или незамужние девушки, отличающиеся набожностью и давшие обет безбрачия. Обмыть покойного считалось богоугодным делом: "трех покойников обмоешь – все грехи отпущены будут, сорок покойников обмоешь – сам безгрешным станешь". По обычаю, известному в Пермской губернии, женщина, обмыв и обрядив умершего, должна была сама обмыться и переодеться. В некоторых местностях Нижегородской губернии ее даже боялись приглашать на поминки и относили ей поминальную еду на дом. При обмывании часто присутствовали близкие родственники покойного, которые громко причитали. Обмывала одна женщина, а две ей помогали. Обмыть тело старались быстро. При этом читались молитвы.

Умершего клали на пол, предварительно подстелив под него солому (или какую-либо ткань). Мыли теплой водой с мылом. Расчесывали волосы гребнем или щепочкой от гроба. Все предметы, использованные при обмывании, уничтожались: солому сжигали или спускали по воде, или бросали в ров; расческу выбрасывали или клали вместе с покойным в гроб, горшок из под воды разбивали, бросали подальше на первом перекрестке. Мыло или клали в гроб, или пользовались им позже только в магических целебных целях, воду выливали в места, где люди обычно не ходили, или на костер, в котором сжигалась солома.

Считалось, что в результате омовения человек лишается последних признаков принадлежности живым. Новое состояние закрепляется его переодеванием в одежду мертвых. Покойника облачали в новую, неношеную одежду, не соприкасающуюся с живым телом. В крайнем случае "смертная одежда" могла быть и не новой, но обязательно выстиранной. В некоторых районах России приготовленную "на смерть" одежду могли надевать и до смерти (не более трех раз), но только в канун больших праздников, при посещении церкви или монастыря, а также во время сильной грозы, т.е. в тех случаях, которые могут быть истолкованы как символическая смерть.

По имеющимся материалам, в XIX – XX вв. существовали следующие разновидности одежды, в которой хоронили:

- 1) Одежда венчальная (брачная). Многие люди, в особенности женщины, сохраняли всю жизнь одежду (часто только рубаху), в которой они венчались. Было широко распространено убеждение, что брачное одеяние (брашно) надо беречь, ибо в нем следует ложиться в гроб. В Бежецком уезде Тверской губернии даже в ходу была поговорка: "В чем венчаться, в том и скончаться".
- 2) Одежда праздничная, т.е. та, которая при жизни надевалась в праздничные дни.

3) Одежда повседневная, в которой человек умер или носил ее перед смертью.

4) Одежда, специально приготовленная для похорон.

Готовить себе одежду для похорон было обычаем широко известным. "Смертный узел" или "смертную одежду" запасали заранее. Приготовленная для погребения одежда отличалась способом шитья, покроя, материалом, цветом. Умерших одевали не так, как живых. Рубашка, надеваемая "на смерть" не застегивалась ни на пуговицы, ни на запонки, а завязывалась тесьмой или суровыми нитками. При шитье погребальной одежды на нитках не делали узлов. Нитку полагалось вести от себя; в некоторых местностях иглу держали левой рукой, иначе "он будет по ночам приходить и уходить с собой людей, у которых также сшита одежда»(Саратовская губерния), а ткань не разрезали ножницами, а разрывали. Иногда заготовленную "на смерть" рубаху не заканчивали, оставив, например, не вырезанными ворот и другие детали, которые "завершали" уже после смерти человека его близкие. Кроме того, повсеместно распространен обычай связывать мертвецу руки и ноги. Однако "если вдова думает выйти замуж, то мужа ее кладут в гроб не застегнутого и неподпоясанного, хотя застегка и пояс вкладываются: иначе ее не будут сватать (Воронежская губерния).

В этом случае мотив связывания-развязывания непосредственно выражает идею брачных уз в двух вариантах: освобождение и готовность снова "связаться".

Связывание рук и ног является, кроме всего прочего, и способом выражения "культурными" средствами того, что свершилось на уровне "природы" – утрата способности действовать с помощью рук и ног. Показательно, что в похоронных причитаниях набор признаков, с помощью которых описывается умерший, обязательно включает отсутствие способностей стоять, двигать руками, смотреть, говорить, например:

"Уж как смотрю, бедна победная головушка, -

Не по-старому ты спишь, да не по-прежнему!

Нет у душеньки в твоих да во белых грудях,

Нет во резвых во ноженьках стояньица.

Нет во белых во рученьках маханьица,

Нет во ясных очах да мигованьица,

Уж застоялся-то речист язык в устах да во сахарных".

Возвращаясь к теме "смертной одежды" заметим, что у крестьян материал для похоронной одежды и в XIX в. оставался домотканым и лишь в конце столетия стал постепенно вытесняться фабричной тканью. Смертная одежда длительное время сохраняла старинный покрой и традиционные формы, уже вышедшие из моды.

Существовало много вариантов похоронной одежды в разных местностях России. Но в основном женский костюм состоял из белой холщовой рубахи с длинным рукавом и белого сарафана. На голову женщинам повязывался белый платок, а замужним под платок полагался еще и повойник (волосник). В некоторых областях умершую зажиточную женщину одевали в белую полотняную рубаху и в яркий цветной сарафан. А бедную – в печатный сарафан – из простого полотна, окрашенного в синий цвет и украшенного узорами, "отпечатанными" особыми штампами. Мужчину одевали в белую рубаху и штаны. Брюки и пиджак в качестве похоронной одежды появились не ранее второй половины XIX в. И мужчин, и женщин в некоторых местностях подпоясывали. Обувь имела большие локальные различия: от "специальных смертных лаптей", сплетенных особым способом, до валенок – даже если хоронили летом. Саван был распространен достаточно широко, хотя и не повсеместно. Покойников обыкновенно клали в гроб в саванах, сшитых из холста.

После обмывания и "обряжения" покойного клали на лавку в передний угол, ногами к выходу, зажигали лампадку перед иконами и начинали молиться. Вообще с момента смерти и до самых похорон (хоронили, как правило, на третий день) над покойным читались молитвы специально приглашенными чистальщиками. Их поили чаем и угощали ужином; на столе стоял мед, иногда разбавленный водой. Около умершего обязательно кто-нибудь сидел, его не оставляли одного, "боясь, чтобы бес не залетел и не испортил усопшего". Верили, что покойный слышит все, что делается вокруг. Так, в Рязанской губернии утром, на другой день после смерти, хозяйка пекла ржаную лепешку, несла ее к умершему с причетами: "Сударик батюшка (если умер глава семьи) на-ка тебе лепешечку позавтракать, ты у меня вчера не ужинал, а сегодня не завтракал". В некоторых местах на второй день после смерти на божницу ставили чашку с водой и блином или с куском хлеба. Этот кусок хлеба через сутки подавали нищим, а воду выливали за окно. Так продолжалось сорок дней. Пока покойный лежал дома, ночью читали молитвы.

Когда наступала смерть, сразу же оповещались все родственники и односельчане. Услышав, что кто-то умер, все, чужие и родные, спешили в дом, где лежал покойный, и каждый что-нибудь нес, чаще всего свечи. В течение всего времени, пока покойник лежал под иконами, к нему приходили родственники, в том числе из других деревень, а также односельчане, чтобы проститься. Богатых в церковь и на кладбище провожало множество народа.

На похороны бедняков принято было идти с приношениями – холстом, свечами, деревянным маслом, ржаной или пшеничной мукой, которые отдавались родственникам усопшего – на помин души. Ссужали и деньгами – для оплаты похоронных расходов; участвовали в похоронах и конкретными действиями: одни рыли могилу, другие обмывали тело, третьи шили саван. Неимущих и безродных хоронили и поминали на средства всего общества.

Таким образом, смерть односельчанина становилась событием в жизни всей деревни и касалась не только самых близких, но и всех окружающих. Родные не оставались со своим горем наедине.

Постоянное жилище покойника – гроб – делалось из нарочито грубо отесанных или вовсе необработанных досок. Гроб обычно начинали делать в день смерти, как правило, посторонние люди. В XIX в. в крестьянской среде гробы не обивали и не красили. На Русском Севере, в Забайкалье и в некоторых других местностях были распространены гробы не сколоченные из досок, а "долбленные из колоды", т.е. сделанные из цельного дерева; к концу XIX в. из колоды делали гробы только детям. Часть мелких стружек от гроба стелились на дно, иногда его устилали листьями от березовых веников или сеном. Подушку набивали сеном или куделью, поверх стелили холст или белую ткань. Некоторым покойникам в гроб клали предметы их занятий. Портному – лоскут материи, иглу, нитки. Сапожнику – обрезки от сапожного товара, дратву и вар. Извозчику – кнут, вожжи и пряди волос, выдернутых из гривы и хвоста лошади. Земледельцу – разные семена. Детям – любимые игрушки. Бывало, что клали трубку и кiset с табаком, веник, чтобы было чем попариться в бане на том свете. Некогда полагали, что на том свете покойному все понадобится.

Особый интерес представляет обсыпание тела покойника в гробу зерном ржи и овса. Зерном, впрочем, чаще обсыпали место, где стоял гроб. Кроме того, зерно бросали вслед покойнику, пока его не вынесут со двора. Бросание вслед обычно предпринимается для того, чтобы закрыть обратную дорогу покойнику. Вместе с тем, есть основания трактовать действия с зерном (как и снаряжение покойника, вещами) в связи с выделением его доли – части денег, имущества, съестных припасов.

Не случайно в Виленской губернии обсыпание покойника зерном объясняли тем, что в противном случае он унесет с собой больше хлебного плодородия, чем ему полагается. Так же считали и белорусы Витебской губернии: покойник в последний час должен убедиться, что с ним делятся хлебом, иначе он будет возвращаться за своей долей.

Если изготовление гроба уподобляется строительству дома, то переложение покойника в гроб (и далее – в могилу) – новоселью. При "переселении в новый дом" связанные руки и ноги развязывают. Тем самым

умерший как бы вновь получает возможность ходить и действовать, но уже на том свете.

Перед тем как положить в гроб покойного, гроб окуривали ладаном. День похорон обычно назначал священник. Хоронили, как правило, днем. Без священника или дьякона покойника не клали в гроб, потому что следовало окропить умершего святой водой и окурить ладаном, а это мог сделать только священнослужитель.

Умершего выносили из дома, обычно утром, чтобы успеть в церковь к обедне. Но иногда покойного приносили туда к вечеру, и последнюю ночь гроб с ним стоял в церкви. При похоронах состоятельных людей на дом приглашали священника и церковнослужителей (притч), которые сопровождали умершего вплоть до могилы. Обряд с участием духовенства назывался в ряде губерний похоронами с подъемом или с выносом. Такие похороны далеко не все могли себе позволить. Бедные семьи обходились и без участия притча в обряде. В таких случаях гроб окуривала ладаном обмывальщица или читальщица.

День погребения был особенно насыщен обрядовыми действиями и проявлением горя. По традиционным представлениям, умерший в этот день прощался со всем, что окружало его при жизни – с домом, двором, деревней. За священником посылали лошадь. Прибыв в дом, священник служил над покойным литию, окроплял пустой гроб святой водой. Затем в него, в присутствии священника клали умершего. При выносе в избу набивалась вся деревня, все громко плакали. По представлениям крестьян, чем больше провожающих, и чем громче плач, тем почетнее похороны. Плакать в голос и причитать следовало каждое утро в продолжение девяти дней. В день похорон соседи приносили свечу, а также две копейки или совок ржаной муки. Все это поступало в пользу церкви. В некоторых местах перед тем, как нести гроб в церковь, близкие родные умершего повязывали священника и всех родственников мужского пола длинными холщовыми полотенцами. Гроб с покойным несли на себе, а если храм был далеко, везли на лошади, которую по обычаю близ церкви распрягали.

Вынос покойника из дома сопровождается многочисленными действиями, имеющими двоякий смысл.

Во-первых, вместе с гробом из дома должно быть удалено все то, что затронуто смертью и не подлежит очищению, например в Минской губернии выливают всю находящуюся в доме воду.

Во-вторых, покойник не должен взять с собой более того, что ему уже выделено.

При выносе тела совершалось много магических обрядов. Выносили умершего обязательно ногами вперед. Так, в Калужской губернии, в д. Пучкове, до начала XX в. гроб выносили не на улицу, а по "проулку" на задворки и уже оттуда направлялись в церковь. Делалось это для того, чтобы покойный не нашел дорогу домой. С этой же целью похоронная процессия часто останавливалась у первого перекрестка, где гроб оборачивали по солнышку три раза. Называлось это "путать следы". Причитания сопровождали гроб с покойным до самой церкви. В некоторых местностях женщины, окружив гроб, припадали к его бокам и громко рыдали. Во время причитаний многие просили покойного передать привет в "тот мир" и сообщить об их житье умершим ранее родственникам.

При похоронах богатых людей вынос из дома, как и из церкви на кладбище, часто сопровождался колокольным звоном. По представлениям многих верующих, колокольный звон – это глас Господень, и он может вызволить из ада душу умершего. Поэтому, если человек умирал такой смертью, что по правилам церкви нельзя было за него молиться, то покупали колокол для какой-либо церкви или делали вклады на его покупку. Если церковь была далеко, покойного иногда отпевали дома, хотя это считалось нарушением правил. После отпевания (дома или в церкви) покойного везли или несли на кладбище. В разных местностях оно называлось по-разному: погост, буйво, могильник, кладбище. Если кладбище было далеко, то умершего провожали чаще всего только близкие родственники. Нести гроб на руках было знаком уважения к умершему. Нередко гроб несли на носилках или везли на санях, телегах. В Вологодской губернии в любое время года (летом и зимой) покойного везли на дровнях. Эти дровни оставлялись на погосте, в поле, лесу.

После отпевания в церкви священник, если его просили, сопровождал гроб до места погребения. Здесь похоронную процессию ожидали мужчины, копавшие могилу. Глубина могилы могла быть не более трех аршин – за этим строго следили священники. Ширина ее была до $\frac{3}{4}$ аршина, а длина зависела от роста умершего. Могилу полагалось рыть перед самыми похоронами; когда яма была готова, "копальщики" оставались подле нее, стерегли могилу "от беса". У могилы священник по заказу родных усопшего еще раз совершал литию. Внутри могилу кадили. Затем гроб закрывали и на полотенцах (веревках) медленно опускали в яму и ставили на поленья или прямо на землю. Веревки в некоторых губерниях оставляли на кладбище, повесив на деревья. В могилу бросали деньги, "чтобы душа имела чем заплатить за перевоз ее на тот свет", "чтобы было чем откупиться от греха"; рассказывая о похоронах некоторые просто говорили, что так было заведено. Все участники похорон бросали в могилу горсть земли. Этот обычай был распространен повсеместно. Могильный холм обкладывали дерном. Во многих местах около могил сажали деревья: березы, ветлы, липы, тополь, иву, рябину и т.п. в Ярославской губернии для того, чтобы скорее зазеленела могила, ее

обсыпали овсом. На могилы ставили деревянные кресты. На Севере, в Нижегородском крае и в Прикамье сохранялась древняя традиция водружать над могилой столб с подобием домика наверху. Зажиточные люди сооружали над погребением часовни. Для городских кладбищ в XIX в. стали типичными и каменные надгробья.

Дальнейший путь покойника (от могилы до того света) мыслится не столько как окончательная смерть, сколько переход в иное бытие, в новое состояние, позволяющее ему не просто поддерживать связи с близкими ему живыми людьми, но и покровительствовать. Таким образом, последний путь покойника, точнее финальная часть пути, означает его переход в новый статус предка. В этом качестве он и появляется в поминальных обрядах, но такое появление не означает полного возвращения умершего. Регулярное посещение предками живых людей носит подчеркнуто временный характер.

Отсутствие формально выраженного обратного пути для покойников является, пожалуй, основным отличием структуры погребального ритуала от других ритуалов жизненного пути у восточных славян. Путь покойника в одном направлении, и его кратковременные "визиты" в мир живых лишь подтверждают его инобытие. "Достраивание" пути покойника до "полной схемы переходного ритуала происходит при "подключении" к похоронам календарных поминок, т.е. при совмещении жизненного и календарного циклов.

Захоронение покойника на кладбище (точно так же, как и варианты погребения у других народов – кремация, "пускание по воде", подвешивание на деревьях и др.) означает, кроме всего прочего, восстановление однородности мира живых, и, следовательно, восстановление нормальной структуры мира вообще: мертвые находятся среди мертвых, а живые – среди живых. Однако последствия "прорыва" смерти в мир людей ощущаются еще длительное время. Основные усилия участников ритуала на данном заключительном этапе направлены на ликвидацию этих последствий. В Костромской губернии "проводивши покойника в могилу, на обратном пути в чужие деревни не заезжают – говорят, что скотина падать будет..."

После погребения снова служили панихиду, а затем покидали кладбище. Во многих губерниях поминовение совершали на могилах сразу после погребения; на могиле расстилали скатерть или кусок холста, на которые клали пироги, ставили мед, кутью. Нищим подавали хлеб и блины.

Русский обычай предписывал подавать на похоронах так называемую милостыню (дары) ради умершего – "в знак памяти". Тот, кто брал милостыню, должен был молиться за покойного. По народным представлениям, до страшного суда участь умерших могла измениться. Если совершать поминовение умерших в домашних молитвах и в церкви

(отправление панихид, заупокойных обеден, сорокоустов), то грешники могли освободиться от вечных мучений. Считали также, что заупокойный колокольный звон мог вызволить погибшую душу из ада. По народным верованиям, душу грешника можно спасти ("вымолить"), если постоянно молиться в течение сорока дней после смерти. Интересен обычай "тайной милостыни": для поминовения души умершего в течение трех-сорока дней ночью тайно клали с внешней стороны окна или дверей, как правило, бедного дома хлеб, два-три яйца. Некоторые люди незаметно приносили соседям или бедным людям деньги, ситец, платки, восковые свечи и т.п. те, кто обнаруживал такие дары, понимали, что нужно помолиться за безымянного. "Тайную милостыню" клали и у колодца, и на церковное крыльцо. Эта милостыня по народному представлению считалась самой угодной Богу: верили, что за нее Бог мог простить души самых отъявленных грешников.

Обычно в день похорон или на поминках (особенно на 40-й день) лицам, пришедшим в дом помолиться, давали деньги, а родственникам умершего дарили его вещи. Если умирала женщина, дарили подшальники, платки или куски материи, а если мужчина – то носовые платки или кусок ткани "на рубашку". Милостыню получали и все те, кто каким-то образом участвовал в похоронном обряде и соприкасался с покойным. Люди, которые молились и отпевали, получали деньги, те, кто нес гроб – полотенца. Копальщикам доставались полотенца, на которых опускали гроб в могилу; тем, кто обмывал покойного, давали что-нибудь из его вещей. Родственники, сопровождавшие похоронную процессию, по дороге на кладбище раздавали детям конфеты. Церковь получала в дар полотенце, которым был обернут крест, а также холст или платок, лежавший на крышке гроба.

В Ярославской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской, Оренбургской губерниях широко бытовал обычай подавать милостыню, называемую "первая встреча". Суть обычая в следующем. Во время выноса покойника женщина из числа его родственниц брала хлеб, кусок холста, длиной в два-три аршина, нитку и подавала эти вещи первому встречному человеку ради поминовения умершего. Мужчина, ведущий лошадь с гробом к церкви, подавал, вынужден из-за пазухи, кусок холста (примерно в один аршин) или что-либо печеное. Многие считали, что, подавая "первую встречу", выражали тем самым пожелание, чтобы душу покойника встретили на том свете так же хорошо и ласково, как они встретили первого человека.

После выноса покойного оставшиеся дома женщины мыли полы. В некоторых местностях считали необходимым вымыть также стены, лавки и всю посуду. Участники похоронной процессии, вернувшись с кладбища, обычно мылись в специально натопленной бане.

Умершую девушку наряжали как невесту. Считали, что души непорочных, незамужних девиц попадали сразу в рай, вот почему их называли Христовыми невестами. Похороны девушки обставлялись празднично, покойницу одевали в лучшее платье, светлой расцветки, украшали цветами, как невесту к венцу. Несли гроб девушки, одетые тоже в праздничные платья. Молодого неженатого парня хоронили также в праздничной одежде, иногда в картузе.

По всей России в отношении людей, умерших неестественной смертью (самоубийцы, опойцы, утопленники), традиционный похоронный ритуал соблюдался не полностью. Такое отношение к людям, погибшим по своей воле (вине) или по воле случая, основано на христианских предписаниях. Самоубийцу не отпевали, не взирая на то, что он мог быть самым близким человеком (отцом, сыном, мужем). По самоубийцам никогда не делали поминок. Поминать их даже дома при молитве, по народным убеждениям, считалось грехом, не говоря о церкви. Самоубийц не полагалось хоронить на кладбище.

После погребения обязательно устраивали поминальный стол. Во время ритуальной трапезы в день похорон присутствующим раздавали подарки.

Так как в народе поминками обычно назывались действия, приуроченные к 9-му и 40-му дням, то точнее будет сказать, что в день похорон в доме умершего устраивался обед. Сегодня принято думать, что раньше на русских похоронах много пили. Но в действительности все обстояло иначе. В некоторых местностях в день похорон бывало и по сей день бывает очень мало выпивки. За обедом в день погребения водку если и подавали, то немного (не более двух-трех стопочек). Обилие крепких напитков в этот день считалось неуместным. В некоторых районах вообще появление водки и пива на столе, накрытом для пришедших с кладбища людей, относят ко времени после гражданской войны. Женщины, читавшие молитвы, как правило, воздерживались от спиртного. Поминальный обед в день погребения не следует путать с поминками сорокового дня, годовыми поминками и специальными родительскими субботаами, когда действительно бывало много пива, вина и еды. Обильные поминальные угощения своими корнями уходят в далекое языческое прошлое, напоминая о ритуальной роли опьяняющих напитков. Обязательными ритуальными блюдами на обеде в день похорон были кутья, мед каши, овсяный и клюквенный кисель, в некоторых районах – рыбные пироги, блины. Звали помянуть всех, кто участвовал похоронах. Богатые люди приглашали к себе домой весь притч. Священник, входя в дом, служил панихиду, потом благословлял стол с едой и только после этого садился. В народе считалось, что "один священник на обеде заменяет десять старцев" (людей, посвятивших себя религиозному служению, отошедших от мирской жизни). Как правило, собиралось много

народу, поэтому обед устраивался в два-три приема. Вначале угощали служителей церкви, чистильщиков, обмывальщиков и копальщиков, родных и близких.

Стол накрывался дважды – до панихиды и после ухода притча. Нередкими бывали случаи, когда приходилось уставлять кушаньями стол и в третий раз. Широко бытовало поверье, что покойный невидимо присутствует на поминках; поэтому на время поминального обеда оставляли за столом место для покойника, клали для него ложку (иногда под скатерть) и ломоть хлеба. Считалось, что хозяином на этом пиру является именно он, не случайно для него прибор ставился под образами, на хозяйское место. Этим объясняются многие особенности трапезы – от подбора блюд, их количества, характера приготовления до специфических правил поведения участников застолья. С этой точки зрения понятен открытый доступ на поминки для всех пришедших (незнакомых) – видимо, предполагается, что они могли быть приглашены покойным.

Начинался поминальный стол обязательно с кутьи, приготовлявшейся в разных губерниях по-разному: из разваренного риса или ячменя с медом. В Архангельской губернии кутью делали из "красного меда", растворенного в теплой воде, без примеси вареной пшеницы и других семян. В разных губерниях, уездах, волостях, селах, деревнях можно было наблюдать множество различий в поминальной еде. На Севере обязательен был рыбный пирог. В Рязанской и Московской губерниях сразу после кутьи подавали блины. После обеда ставили чашку с медом, разведенным в воде или браге. При этом "духовными" пелись "покойные" стихи. В конце обеда членам семьи покойного пелось "многолетие". В Тульской губернии, когда подавалась чаша, при всеобщем молчании в завершение обеда пели "Вечную память". В других местностях трапеза обязательно завершалась ржаным или овсяным киселем. Еда готовилась в зависимости от того, на какой день приходились похороны (постный или скоромный). В скоромный день подавали жаркое из телятины, холодец, молочные каши, яичницу, в постный – похлебку из сухих грибов с постным маслом (или без него), кисели. Сладкие пироги (нарезанные кусками) готовили в любой день. Как упоминалось, кутья, мед и овсяный кисель были обязательными кушаньями на поминальном столе. Корни этого обычая уходят в далекое прошлое. По окончании обеда все расходилось по домам. На этом заканчивались обряды собственно погребального ритуала и начинались поминальные обряды.

Поминальные обряды в православии

Общая направленность поминальной обрядности на первый взгляд противоположна погребальной. Если в похоронах основные усилия

направлены на удаление покойника и вместе с ним самой смерти из мира живых (восстановление принципа однородности), то в поминальных обрядах мертвые приглашаются к живым: открываются ворота на кладбище, двери дома; их встречают, угощают и т.п. Однако это противоречие снимается более важной целью: упорядочить отношения между своими и чужими и далее – установить над ними контроль. С этой точки зрения похороны – перевод случайного индивидуального события в разряд закономерного и типичного, т.е. преобразование события "природного" плана в "культурное". Такой переход если и не обеспечивает контроля, то создает его иллюзию. Зато поминальная обрядность в полной мере выражает идею необходимости регламентации связей между двумя мирами.

Поминовение по усопшим родственникам справляли на 3 (если покойник еще не был захоронен или похороны состоялись на второй день), 9, 20 и 40-й дни, в годовщину и в праздники. Поминовение выражалось в служении панихид и поминаниях на литургиях, посещение могилы, в поминальных обедах и раздаче милостыни. В некоторых местностях на могилы ходили каждый день в течение шести недель. Состоятельные люди служили каждодневные обеды в продолжении 40 дней. Отмечая поминки, верили, что в 9-й, 20-й, 40-й дни после смерти душа невидимо прилетает домой и иногда дает знать о себе, может даже показаться, поэтому во все эти дни старались ее ублажить. Очевидно, некогда полагали, что душа сорок дней пребывает дома или посещает дом. О таком представлении говорит известный в ряде губерний обычай ставить на божницу на следующий день после смерти чашку с водой и блином или куском хлеба. Этот хлеб через сутки подавали нищим, а воду выливали за окно. Так продолжалось сорок дней.

Необычайно сильна была вера в то, что поминания облегчают страдания умершей души. 9-й и 20-й дни отмечались очень скромно, в семейном кругу. Более зажиточные заказывали в эти дни обедню в церкви. Бедные приходили с кутьей к священнику и просили отслужить по умершему панихиду.

В эти дни варили кутью из риса или пшеницы с медом, патокой или сахаром, пекли пироги (богатые из пшеничной муки, бедные – из ржаной) и затем разносили пироги и кутью по деревне, в городе – по соседям, предлагая помянуть умершего. Посещали кладбище, подавали нищим милостыню. На кладбище рассказывали покойному о своей жизни, жаловались, как им плохо без него.

Особой сложностью обрядовых действий и торжественностью выделялся 40-й день после смерти, так называемые сорочины, когда, по народным представлениям, душа посещала дом последний раз. Во многих местах все действия, проводимые в этот день, назывались проводами или

окликанием души. На 40-й день приглашалось много народу, и делался обильный стол. В основном обряд сорокового дня в разных губерниях проходил по единому сценарию: обязательно посещали церковь, если она была в пределах досягаемости, потом шли на могилу умершего, а затем дома устраивали обед.

Но, конечно, в каждом уездном городке, селе, деревне имелись свои местные особенности. Так, в Калужской губернии в этот день приносили в церковь пирог с изображением лестницы из теста для того, "чтобы по ней душа взошла в небо". Потом все шли на обед. К обеду собирались все жители деревни, включая малолетних. Священник или дьякон, отслужив панихиду, выходил из избы за ворота, за ним выходил весь народ, молился Богу на восход солнца и кланялся три раза на церковь. Потом близкие родственники, держа сосуды с киселем в руках, оплакивали умершего с причитаниями. Кисель тут же отдавали малолетним, а взрослые приглашались к столу. В Рязанской губернии вечером накануне 40-го дня в доме покойного собирались молебные старушки и молились всю ночь. Утром шли в церковь. На поминки приходили все, кто мог. У ворот ставили столы с киселем, сытою (мед, разведенный в воде) и ложками. Подходя по очереди, все отвеदывали поминание, а ложку забирали с собой на помин души. После этого накрывали стол в доме: клали пирог, ставили жареную курицу и, прочитав литию за упокой души, садились за стол "проводить душу покойного". В некоторых местностях Рязанской губернии по окончании панихиды дома все родственники брали с собой блины, другую снедь и шли на ближайший перекресток, где, положив три земных поклона, ели блины и раздавали их собравшимся людям, в том числе и детям.

В Новгородской губернии на "сорочины" женщины причитали на кладбище, приглашая умершего домой. Оставшиеся дома, встречали вернувшихся так, будто с ними пришла домой и душа умершего. Когда садились за столы, то для нее оставляли на столе свободную ложку. По окончании обеда устраивали "проводы души", для этого выносили стол на улицу, ставили на него чашку с пивом; если приходил священник, то служил литию перед столом, затем все отправлялись к кладбищу, женщины шли впереди и причитали, а мужчины следовали за ними молча. Пройдя с четверть версты, участники процессии делали земной поклон и возвращались домой.

Было принято заказывать по умершим заупокойные литургии: очень бедные заказывали 3-5 обеден, богатые – 10, 20, 40 (так называемы сорокоусты). Обычно, когда на 40-й день завершалась заупокойная литургия, родственники умершего приносили с собой в церковь еду. Так, в Устьысольском уезде Вологодской губернии в церковь приходили с "лукошком", наполненным пирогами (шаньгами, сочнями, рыбниками), чаем, сахаром, которыми угощались после обедни притч и церковные сторожа в

доме священника или псаломщика. Оставшиеся от трапезы продукты делились между членами притча. В конце заупокойной литургии многие имели обыкновение раздавать присутствующим просфоры. Разломав на мелкие кусочки, их подавали со словами: "Помяни раба Божьего такого-то". В старину был обычай выходить на двор и кричать, чтобы криком проводить душу на тот свет. Этот интересный обряд проводов души до наших дней сохранился в Пермском крае.

Такие же обряды совершались и на годовщину смерти, только чаще без причетов. Если церковь была расположена далеко от деревни, то обрядовые действия проходили на деревенском кладбище и дома. Считалось необходимым и важным прочесть псалтырь по умершим родителям и родственникам. На такие поминки приглашалась вся деревня, средств на угощение не жалели. Как и других народов, сороковины демонстрировали сплоченность и единство не только членов семьи и близких, которых связывало кровное родство и свойство, но и всего коллектива (деревни, части села, по сути дела – общины). На поминки приходили все односельчане, кто хорошо знал покойного.

Но на этом не прекращалось поминание умершего.

В православной традиции есть ежегодные общие поминальные дни. Суббота мясопустная, по-народному "суббота перед сырной (масленой) неделей. Суббота Троицкая – накануне праздника Пятидесятницы. Субботы "родительские" – в Великий пост (недели 2, 3, 4-ая). Радуница (вторник Фоминой недели) и Дмитриевская суббота (перед 26 октября).

Поминовение умерших в Дмитриевскую субботу ведет свое начало в русской церкви с 1380г., когда оно было установлено Дмитрием Донским в память русских воинов, погибших в борьбе с татарами, и посвящается главным образом поминовению вообще воинов, "на брани живот свой положивших". С этим поминовением воинов соединилось и обычное осеннее поминовение всех усопших. В русском быту поминовения и посещения кладбищ были обязательны. В Родительские субботы все верующие варили кутью, пекли пироги, заготавливали поминальные "книжки-поминания", наполняли припасами целые корзины и шли поминать "родителей". Священники после службы кадили над каждой могилой. Родственники покойных относили часть припасов притчу, нищим. Обрядовым кушаньем, приготовлявшимся в эти дни, были блины. В Архангельской губернии соблюдался такой обычай: после семейной молитвы, совершавшейся дома, присутствующие подходили к столу, на котором лежали пироги и яйца, и минут пять стояли в полном молчании, не прикасаясь к кушаньям, - считалось, что в это время едят умершие. По воспоминаниям очевидцев, в родительские субботы в разных местностях России люди двигались на кладбище с целыми возами пирогов.

Покойных оплакивали на могилах и в храмовые праздники. В с. Борисове Новгородской губернии Череповецкого уезда на храмовый праздник народ нес в церковь деревянные рученьки (ведерко с крышкой). В рученьках находилась кутья из медовой сыты, разваренного ячменя или пшеницы. Ведерки ставились на специально подготовленный большой стол в здании храма. К каждому из них прикреплялась зажженная восковая свеча. На стол клали деньги на поминание умерших. После обедни священник служил общую панихиду, затем народ разбирали рученьки по домам для тех, кто не смог прийти в церковь, чтобы и они помянули родителей.

Поминание предков являлось одним из основных компонентов русской масленицы. Следы весеннего культа предков прослеживаются в масленичной обрядности разных местностей. Суббота перед масленицей отмечалась как Родительская. В первой половине XIX в. обычай отдавать первый блин покойным родителям или поминать их блинами, видимо, бытовал широко.

В Тамбовской губернии первый блин, испеченный на сырной неделе, клали на слуховое окошко "для родительских душ". Набожные женщины ели первый масленичный блин за упокой души.

Жители Ярославской губернии ходили в Прощеное воскресенье на могилы к своим усопшим родителям и родственникам, объясняя, что, согласно Евангелию, покаяние и пост могут доставить спасение и прощение грехов только тогда, когда мы искренне примиримся со всеми ближними и от души простим им обиды, причиненные нам. В Прощеное воскресенье был широко распространен обычай ходить вечером на кладбище "прощаться" с умершими родными.

В Пензенской губернии в Краснослободском уезде в с. Лемина Поляна в Прощеный день собиралось по 10-20 молебных старушек, которые молча шли на кладбище. Там они три раза кланялись могилам, просили у родителей прощения, клали на могилы блины и уходили.

Поминовения умерших совершались также с Пасхи и до Петрова дня. В первый день Пасхи во многих местах приходили "похристосоваться с умершими родителями", приносили яйца, пироги, низко кланялись могилам и говорили: "Христос воскрес!". Многие были уверены, что в этот день умершие все слышат. Яйца крошили на мелкие кусочки и разбрасывали на могилках. В церковь приносили сдобные пироги и, после обедни, по выходе из церкви сразу же шли к могилкам разговляться. Любопытно замечание одной пожилой женщины: "Раньше, в старину, когда народ был праведный, придя на кладбище на восклицание "Христос воскрес!" можно было услышать и ответ от умерших, а теперь народ исплутовался, так и не слышать".

Радуница (Радовница, Радольница) – поминовение усопших после Пасхальной недели в понедельник, а в иных местах – во вторник Фоминой недели (т.е. первый вторник после Пасхальной недели). Игры, сопровождавшие праздник Радуницы, были запрещены церковью еще в XIV в. В связи с этим Радуница дошла до наших дней лишь как праздник поминовения умерших, причем в одних местах принято было ходить на кладбище, а в других – нет. В этот день в церкви служили панихиды, приходило много народу. После обедни бывала общая лития по усопшим, по окончании которой все возвращались домой. В домах к этому времени был приготовлен обед с выпивкой. В некоторых местностях Пермской губернии "под стол ставили несколько кушаний – они предназначались для скоростижно умерших, утонувших, сторевших, недостойных сидеть за общим столом". Накануне родительского дня вечером специально топили баню для умерших. В этот день в бане никто не мылся; считалось, что там невидимо для живых моются умершие (их души).

По представлениям крестьян, воскресший из мертвых Иисус Христос сошел в ад и освободил всех грешников. С этим народная этимология связывала название Радольница: в его основе якобы слово "радость".

В Вологодской губернии на Радуницу в церкви бывало много народу, даже больше, чем в иные праздники. С собой приносили пироги и сосуды с пивом. Все это ставилось на время службы к алтарю. После службы большинство отправлялось на могилы помянуть усопших, т.е. разделить с ними трапезу, на могилах оставляли яйца. Девушки и женщины плакали и причитали у могил тех, кто ушел из жизни недавно.

В Тульской губернии на Радуницу на могилах расстилали столешник (скатерть), ставили питье, блины, пироги, кутью, мед, яйца. По отслужении панихиды часть припасов раздавали притчу, часть – нищим, а часть оставляли себе на поминовение умерших.

В ряде областей России было в обычае поминать умерших в Семик (последний четверг перед Троицей). Этот обычай, видимо, имеет свои особые корни и первоначально связан с покойниками, которых считали недостойными кладбища (умерших неестественной смертью, опойцы, утопленники, самоубийцы и т.д.), их погребали вне кладбищ, иногда в особых местах. Об этом обстоятельно написал Д.К. Зеленин. В Семик в Пермской губернии поминали умерших принесенными пирогами, окуривали могилы, пили пиво и брагу. На кладбище в этот день бывало много нищих. Им подавали оладьи, яйца и пр. в г. Соликамске городское духовенство с запрестольным крестом и хоругвями в сопровождении собравшегося народа шло из собора в кладбищенскую часовню и там совершало панихиду, поминая православных воинов, могилы которых сохранились на местах погребения погибших в ходе "завоевания" Сибири. По рассказам очевидцев,

массовый выход на кладбище в те дни напоминал древние дохристианские славянские тризны. Этот обычай сохранялся до начала XIX в. В одном из описаний конца прошлого века читаем: "Ни один день из поминальных, установленных церковью, не почитается как Семик – четверг перед Троицыным днем. Хотя церковью в этот день не установлено поминовение умерших, но, по установившемуся обычаю, совершается во многих приходах епархии, не исключая и некоторых городов. В этот день на кладбище собиралось много народу даже из смежных, если у кого-либо там были схороненные умершие". В Вятской губернии люди, выздоровевшие от болезней незадолго перед Семиком, собирали в виде милостыни муку для печений, предназначавшихся для поминовения "в лесу заблудившихся, без вести потерявшихся, в реке утонувших". Из собранной муки в Семик рано утром пекли блины и булки. Сначала шли к обедне в церковь, потом отправлялись на кладбище, где все принесенное выкладывалось на разостланную рогожку, и служилась панихида. После нее все кушанья с бесчисленными пятаками поступали в пользу духовенства.

Поминовение умерших совершалось и в Троицкую субботу. Традиция эта старинная, когда-то осужденная Стоглавым собором: "В Троицкую субботу по селам и погостам сходятся мужи и жены на жальниках (кладбищах) и плачутся по гробам умерших с великим воплем". Но впоследствии церковь объявила Троицкую субботу одной из родительских и она в народной традиции стала основной, наиболее распространенной поминальной субботой.

Под Троицу, по утверждению жителей Тамбовской губернии, поминают "всех удушенных, умерших не своей смертью, порватых зверями".

В селе Кривополянье до наших дней сохранился обычай топить баню под Троицу и после бани, одевшись в нарядную одежду, идти в церковь. После службы все отправлялись на кладбище. В часовне служили обедню, а потом расходились по могилкам родственников. На кладбище приносили с собой блины, яйца, окрашенные в зеленый или розовый цвет, пряники, конфеты. На могилках стелили скатерть и ставили стопку водки.

В Рязанском крае "ходили по своим могилкам и несли сплетенные из трав и живых цветов венки, а яйца красили в зеленый цвет березовым листом. Приносили с собой блины, пирожки, вина не полагалось".

В Вологодской, Новгородской губерниях плели и клали на могилы венки.

Подобных сведений, относящихся к разным губерниям и местностям России, можно привести много. Поминальная обрядность представляла собой самостоятельный цикл ритуалов, совершавшихся в течение года и затем в этой же последовательности повторяющихся вновь. Эта обрядность соответствовала религиозным представлениям народа о душе и загробном

мире. Она также несла в себе важную социальную функцию, подчеркивая тесную связь между ушедшими в иной мир и живыми.

Умершие не подвергались забвению. Обычаи и обряды поминального цикла способствовали постоянному обращению к ним, посещению их могил, проявлению заботы об умерших в виде молений и особых трапез, а также ряда других обрядовых действий.

Сохранение памяти об умерших и регулярное "общение" с ними, являлись важным нравственным принципом, выражавшим убеждение народа в необходимости беречь родственные и соседские связи, на которых покоился сложившийся веками бытовой уклад.

Похоронные обряды советского и постсоветского периода

В советское время похороны стали по преимуществу гражданским ритуалом, включившим в себя как почти обязательные элементы траурный митинг и музыку духового оркестра. Эти элементы сочетались с некоторыми проявлениями традиционной обрядности, более многочисленными и явственными в деревне. Сохранялся обычай устраивать после похорон поминальный обед, на котором произносились добрые слова об умершем. Соблюдались поминки на девятый и сороковой дни и в годовщину после смерти; значительная часть русского народа исключила из поминальных действий в эти дни традиции религиозного характера, и смыслом поминальных трапез стали теплые воспоминания собравшихся о близком человеке, ушедшем из жизни. При этом, почти повсеместно, как символ памяти об умершем, на стол или какое-то другое место, нередко перед фотографией умершего, ставили стопку водки, накрытую куском хлеба.

Внедрение гражданского, светского элемента в похоронно-поминальную обрядность началось еще в XIX в., на что указывали исследователи народной жизни. Первые гражданские похороны в России состоялись в 1877г., когда Петербург хоронил Н.А. Некрасова. Эти похороны совершались по православному обряду, но многолюдное шествие и значение, которое придавалось участию в проводах известного поэта, сделали их особым явлением в общественной жизни страны. Однако новый похоронный обряд ("похороны-демонстрации", по удачному выражению Н.С. Полищук), вошел в жизнь как широко распространившийся обычай лишь в 1905 г., во время первой революции. Этот обряд или полностью исключал церковный ритуал, или объединял в себе церковный и гражданский ритуалы. Для гражданских и полугражданских похорон были характерны речи, произносимые у гроба, пение революционных песен во время шествия к кладбищу и введение красного цвета в похоронную символику: флаги, ленты,

материя, которой обивали гроб, а в ряде случаев и красная рубашка, надевавшаяся на покойного.

В послереволюционный период гражданская похоронно-поминальная обрядность вошла в быт широких масс.

Создание нового советского общества в стране привело к разрушению тех социальных связей, которые поддерживали жизнь традиционной культуры в целом. Одна из непосредственных причин изменений, произошедших в похоронно-поминальной обрядности, - длившееся десятилетиями жестокое ограничение деятельности православной церкви, которое наглядно проявилось в закрытии и разрушении храмов. Немалую роль сыграла и антирелигиозная пропаганда (атеистическое воспитание); она сумела внушить не одному поколению русских людей равнодушие не только к религии, но и вообще к традициям предков.

Однако было бы неправильно объяснять изменения в похоронно-поминальной обрядности, произошедшие в советское время, одними лишь идеологическими причинами. Идеологический фон сочетался с коренными преобразованиями в жизни страны в XX в. Особо следует подчеркнуть значение мощных процессов урбанизации. Рост городов препятствовал сохранению старых кладбищ. Новые же кладбища, особенно в больших городах. Постепенно перемещались на далекие окраины и даже за пределы города, что, разумеется, затрудняло частое посещение их.

В 1921г. В России строится первый крематорий. И хотя кремация не соответствует русскому традиционному погребальному обряду, тем не менее, в Москве и Санкт-Петербурге в послевоенный период она уже вошла в обычай.

В жизни больших городов с особенной отчетливостью проявилось то пренебрежение к памяти о прошлом, следовательно, и о мертвых, которое сделалось характерным для идеологической атмосферы в нашей стране в послереволюционные годы. Массовое уничтожение церквей сопровождалось и массовым уничтожением кладбищ; постройка зданий на месте закрытых кладбищ давно вошла в обычную практику. Известны случаи, когда на месте кладбищ появлялись танцплощадки. Некогда естественная для русского человека "любовь к отеческим гробам" попала в зависимость от бюрократического аппарата. Кладбище перестало быть неприкосновенным и почитаемым местом.

Переселение неперспективных деревень и стремление крестьян переехать в город также внесли свою лепту в разрушение народных обычаев, в том числе поминально-погребального ритуала. Ликвидация деревень приводила к запустению и уничтожению старинных кладбищ. В городе и

большом поселке, где до церкви, если она сохранилась, многим верующим порой сложно было добраться, не так-то легко оказывалось отпеть умерших.

Бесцеремонность по отношению к ушедшим из жизни, молчаливо возведенная в правило бюрократической системой, не могла не воспитать людей, позволяющих себе глумиться над прахом мертвых.

С начала "перестройки" в печати и на государственном уровне стал обсуждаться вопрос о введении общерусского Дня памяти (Дня поминовения). Высказывались разные соображения о том, какой день следует избрать Днем памяти для России: 21 сентября, 22 июня, 9 мая, последнюю субботу апреля? Говорили о том, что нет нужды увязывать этот день с каким либо историческим событием давнего или недавнего прошлого. В России издавна отмечались Родительские дни, бывшие частью церковной службы. В Иркутске в 1988 и 1989 гг. горожане собирались у памятника воинам, павшим в Великую Отечественную войну, 21 сентября – в день Рождества Богородицы, в тот самый день, когда в 1380 г. произошла Куликовская битва. Примеру иркутян последовали новосибирцы. В Хабаровске Родительский день с 1988 г. отмечают весной. Сельское же население разных областей России и в советские годы не прекращало соблюдать Родительские дни. Кроме того, почти по всей России, в особенности в областях, где оставила свой страшный след война, значение Дня поминовения приобрел День Победы – 9 мая. Во многих деревнях и поселках сооружены памятники погибшим воинам; у этих памятников люди уже многие годы совершают поминальные обряды, в особенности там, где кладбища находятся далеко.

В последние годы происходит возрождение православия в России. При всех трудностях, осложняющих деятельность церкви, в условиях проникновения в страну иных конфессий и нетрадиционных сект, возрастает значение православия в жизни русского народа, что заметно сказывается на обращении все большего числа людей к православной погребально-поминальной обрядности.

Для современной православной похоронно-поминальной обрядности характерно сохранение ряда элементов гражданских похорон, прочно вошедших в жизнь в советское время. Так, похороны по православному чину могут включать в себя и гражданскую панихиду, и музыку духового оркестра, которая перемежается с пением певчих. До сих пор в народной памяти и быту сохраняются некоторые обычаи и поверья, уходящие корнями в глубокую древность. Например, и в наши дни совершаются отдельные очистительные действия, связанные с верой в магическую силу умерших. Сохраняются и представления о том, что душа мертвого навещает дом в течение 40 дней после смерти. Не забыт и обычай "тайной милостыни". В ряде местностей в гроб продолжают класть принадлежавшие покойному

вещи: трубку, папиросы, костыли, а то и запасную пару белья. Распространены рассказы о том, что родственникам может явиться во сне умерший и выразить неудовольствие, если что-то из нужных ему вещей забыли положить в гроб, не так его одели или поминки прошли нехорошо. Столь же широко известны сообщения о благодарности, которую выразил приснившийся (или показавшийся, то ли во сне, то ли наяву) кому-либо из близких родных, за соблюдение всех положенных по обычаю обрядов.

Заключение

В заключение работы подведем некоторые итоги.

Человек – единственное живое существо, хоронящее своих умерших. Практика погребений первоначально мотивировалась не соображениями гигиены, а представлениями первобытных народов о сущности и предназначении человека. Это становится ритуалом. В эпоху палеолита умерших не только хоронили, но снабжали пищей и всем необходимым, что указывает на наличие веры в то, что мертвый нуждается во всем этом в загробной жизни. Такая забота об умерших была свойственна не только человеку палеолита, но и его историческому предшественнику – неандертальцу. Таким образом, практика захоронения прослеживается вплоть до очень глубокой древности, предположительно на 50 тыс. лет до начала новой эры.

Ритуальное захоронение умерших объясняется нежеланием человека примириться со смертью как абсолютным концом существования. Невзирая на очевидность физического распада, вызываемого смертью, сохранилась вера в то, что некая часть индивидуальности умершего продолжает существовать и после гибели тела. Вера в посмертное существование породила множество представлений о дальнейшей судьбе умерших. Такие представления обычно бывают тесно связаны с пониманием сущности человека в той или иной религии.

Способы захоронения и ритуалы погребения разнообразны у народов мира и сообразны исповедуемой религии.

В процессе работы была пояснена важная роль похоронно-погребального обряда в русской традиционной культуре. Ритуалы перехода имеют социально-культурное значение, они выполняют функции соединения и разделения двух миров. Четкое соблюдение ритуальных действий, распределение функций между участниками ритуала, а также регламентация обрядности направлены как на пресечение перехода, в то же время и на усиление похоронно-погребальной функции.

Большинство ученых-антропологов придерживаются мнения, что похоронно-погребальная функция отражает религиозную направленность данного акта. Существуют разнообразные способы погребения, зависящие от социокультурных, религиозных, исторических, географических условий. Данные условия выливаются в разнообразные запреты: ношение траурной одежды, воздержание в пище, развлечениях и др. Это объясняется простым проявлением уважения к памяти умершего. Все это формирует понятие "погребальный культ".

Опираясь на источники и имеющуюся литературу можно сказать, что в глубокой древности погребальный обряд, выражающий форму культа предков, приводит к оформлению комплекса представления о предках, которые якобы связаны с небом, с отлетом душ предков, что подводит обряд к проведению кремации и эксгумации.

Погребение у славян имеет четкую обрядность:

- во-первых, обряды, направленные на приведение в надлежащий вид умершего, изготовление гроба-домовины;
- во-вторых, процесс захоронения;
- в-третьих, поминовение могиле.

Обрядовыми блюдами считались: кутья, канун, кисель, сыта, мед, блины, пироги.

Поминовению, как части ритуального комплекса тоже отводилось немаловажное место, здесь устанавливались определенные дни для поминовения, отпевания, чтобы умершие не подвергались забвению.

В наше время погребально-поминальный ритуал становится больше гражданским актом, нежели традиционным, что ведет к потере традиционных элементов обрядности.

Погребально-поминальная обрядность живет в любом народе как составная часть его культурных традиций; в ней отражаются особенности человеческих связей и моральных норм, определяющих состояние общества в тот или иной период. Уважение к мертвым свидетельствует об уважении к живым. Если в обществе деформированы и ослабли семейные, родственные и дружеские узы, бессмысленно ожидать памяти к тем, кто покинул этот свет. Укрепление традиций, связанных с памятью об ушедших, позволяет думать, что в нашем обществе, несмотря на все трудности и социальные эксперименты, сохранены здоровые основы.

Андреева С.И., историк.

Список использованной литературы

1. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. М., 1973.
2. Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1954.
3. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре
4. Баран В.Д. Черняховская культура. Киев, 1981.
5. Богомольников В.В. Причины изменения погребального обряда радимичей. Минск, 1982.
6. Бурцев А.Е. Полное собрание этнографических трудов. СПб., 1911.
7. Ван Геннеп А. «Обряды перехода» Восточная литература 1999.
8. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
9. Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982.
10. Винокур И.П. История и культура черняховских племен. Киев, 1972.
11. Вязьмитина М.И. Сарматские Курганы. Киев, 1971.
12. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913. Т. 2.
13. Гончаров В.К., Махно Е.В. Могильник Переяслав-Хмельницкого. – Археология, Киев, 1957. Т. XI.
14. Гончаров В.К., Махно Е.В. Могильник Переяслав-Хмельницкого. – Археология, Киев, 1965. Т. XIII.
15. Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу. М., 1983.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1953.
17. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1910.
18. Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953.
19. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. – МИА, М.; Л., 1948. № 8.
20. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Курганный могильник у с. Боршева. МИА, № 8. М.; Л., 1948.
21. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. М., 1880.
22. Завитневич В.З. Вторая археологическая экскурсия в Припетское Полесье. Киев, 1892.
23. Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губ. // ЭО. 1914. № 3, 4.
24. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. Пгр., 1916. С. 350.
25. Ибн-Фадлан. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1938.
26. Истрин В.М. Хроника Георгия Арматоло. Л., 1930. Т. 3. Словарь.
27. Каспарова К.В. Зарубинецкий могильник Велемичи II. – Арх. сбнр. Л., 1972. № 14.
28. Корошеч Паола. Поддела славянская культура. Нови Сад, 1959.
29. Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.

30. Кремлева И.А. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области // ПИИЭ 1978. М.,1980
31. Летописец Переяславля-Суздальского / Изд. К.М. Оболенским. М., 1851.
32. Ляховская Л.П. Календарь славянская жизнь и трапеза /Изд.ДОМ МСП.М.,1996.
33. Маслова Г.С. Народная одежда в восточно-славянских традиционных обычаях и обрядах XIX-начало XX в.М.,1984.
34. Максимов Е.В. Зарубинецкая культура. Киев, 1980.
35. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
36. Миклухо-Маклай Н.Н., Собрание сочинений Т. 11, М.
37. Невская Л.Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре. М., 1982.
38. Новгородская I летопись. М.; Л., 1950.
39. Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971. Т 1.
40. Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973. Т 2.
41. Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1974. Т 3.
42. Полищук Н.С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон»)// СЭ 1991.№6
43. Причитания, М. 1860.
44. Равдоникас В. История первобытного общества. Л., 1939. Ч. 1.
45. Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973.
46. Рыбаков Б.А. Древности Чернигова. – МИА, № 11, М., 1949.
47. Рыбаков Б.А. Древняя Русь, М., 1963.
48. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси, М., 1987.
49. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994.
50. Ред.Симченко Ю.Б.,Тишков В.А. Русские (серия «Народы и культуры») Наука М.1999.
51. Салмина М.А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964.
52. Седакова О.А. Материалы к описанию Полесского погребального обряда // ПЭС. М., 1983.
53. Седакова О.А. «Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян» М.; 2004.
54. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. М., 1982.
55. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974.
56. Седов В.В. Новгородские сопки. М., 1970.
57. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья. М., 1970.
58. Соловьева Г.Ф. Славянские курганы близ с. Демьяненко. – Сов. Археология, 1967. № 1-4.
59. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. М., 1958.
60. Токарев С.А. «Ранние формы религии» Изд. Полит. литература. М.; 1990.
61. Тайлор Э. «Первобытная культура» Изд. Полит. литература. М.; 1989.

62. Тернер В.У. проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ндембу) // Семиотика и искусствоведение. М., 1977.
63. Топоров В.Н. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера // Этимология - 1967, М., 1969.
64. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX вв. //ТИЭ. 1957. Т. 40.
65. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пгр., 1916.
66. Штернберг Л.Я., Первобытная религия в свете этнографии, М.
67. Юдина Н.А. Русские обычаи и обряды. ВЕЧЕ М.,2005.
68. Юдина Н.А. Энциклопедия русских обычаев. ВЕЧЕ М.,2001.